

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.14>

Самохин Константин Владимирович

[Крымская война как фактор изменения ментальных установок российского социума во второй половине XIX века: модернизация или протомодернизация \(методологический анализ\)](#)

В статье проанализированы ментальные трансформации, происходившие в российском обществе во второй половине XIX века под влиянием Крымской войны, с учетом базовых положений теории модернизации. Последняя для указанного временного интервала истории России трактуется как переход от аграрного общества к индустриальному. Особое внимание уделено изменению таких ценностных установок, как патриархальность, коллективизм, религиозность и монархизм. Сделан вывод о том, что из-за неготовности российского социума к модернизации и ее асинхронности в различных сферах жизнедеятельности общества изменения духовного плана в Российской империи к началу XX века следует оценивать лишь только как протомодернизацию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/14.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 82-89. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

17. **Leitz Ch.** Rez.: Bommas M. Die Mythisierung der Zeit. Die beiden Bücher über die altägyptischen Schalttage des magischen pLeiden I 346. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1999 // *Lingua aegyptia*. 2002. Bd. 10. S. 413-424.
18. **Leitz Ch.** Tagewählerei. Das Buch ḥt nhḥ ph.wj ḏt und verwandte Texte. Textband und Tafelband. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1994. Bd. I-II. 525 S., 79 Taf.
19. **Schott S.** Urkunden mythologischen Inhalts. Leipzig: J. C. Hinrich, 1929. 144 S.
20. **Sethe K.** Die altägyptischen Pyramidentexte, nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums: in 4 Bänden. Leipzig: J. C. Hinrich, 1910. Bd. II. 543 S.
21. **Sethe K.** Urkunden der 18. Dynastie: in 4 Heften. 2. Aufl. Leipzig: J. C. Hinrich, 1927-1930. 314 S.
22. **Stricker B. H.** Spreuken tot beveiliging gedurende de schrikeldagen naar pap. I 346 // *Oudheidkundige Mededelingen vit het Rijksmuseum van Oudheden*. 1948. Bd. 29. S. 55-70.

Epagomenal Days of the Ancient Egyptian Calendar

Panov Maxim Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Novosibirsk
panov.mv@gmail.com

The article describes peculiarities of the ancient Egyptian calendar, in particular, insertion of five epagomenal days after twelve months. Using historical and mythological material from different periods the author examines differences between regular and epagomenal days, identifies possible date errors in a balance sheet of the late Ramesside period, where epagomenal days are not given in the end-of-year period, but in the period at the beginning of the year. The source study is based on the author's translations of a large number of documents; fragments of the papyri Leiden I 346 and Cairo JE 86637 dating to the XIV-XIII centuries BC are provided in the supplement.

Key words and phrases: Ancient Egypt; calendar; epagomenal days; myth; Ramses II.

УДК 94(47).073.5:94(47)"1850/1900"

Дата поступления рукописи: 19.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.14>

В статье проанализированы ментальные трансформации, происходившие в российском обществе во второй половине XIX века под влиянием Крымской войны, с учетом базовых положений теории модернизации. Последняя для указанного временного интервала истории России трактуется как переход от аграрного общества к индустриальному. Особое внимание уделено изменению таких ценностных установок, как патриархальность, коллективизм, религиозность и монархизм. Сделан вывод о том, что из-за неготовности российского социума к модернизации и ее асинхронности в различных сферах жизнедеятельности общества изменения духовного плана в Российской империи к началу XX века следует оценивать лишь только как протомодернизацию.

Ключевые слова и фразы: Крымская война; ментальные трансформации; российское общество; протомодернизация; модернизация; методология.

Самохин Константин Владимирович, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
kon-sam@yandex.ru

Крымская война как фактор изменения ментальных установок российского социума во второй половине XIX века: модернизация или протомодернизация (методологический анализ)

Споры о модернизационной парадигме часто ведутся сквозь призму соотношения историко-философского и конкретно-исторического уровней, когда в теоретическом плане она выступает в виде некоего идеального конструкта [20, с. 118], который приобретает свои особенности на эмпирической ступени, если речь идет о конкретной стране или определенном периоде ее развития.

Несмотря на достаточно негативное отношение к модернизационной парадигме, скептики и критики тем не менее до конца не отрицают ее эвристической значимости [5, с. 48; 9, с. 16], намечая при этом перспективные направления для ее дальнейшего изучения и практического применения. В частности, одно из них Б. Г. Капустин определил как необходимость более глубокого анализа модернизационных процессов в различных сферах жизнедеятельности общества, их взаимовлияния друг на друга, во время которого при наличии противоречий между модернизационными трансформациями в различных общественных сферах эти изменения могут существенно замедляться, а то и вовсе не происходить [9, с. 16].

Сама теория модернизации прошла непростой путь в ходе своего шестидесятилетнего существования. В 60-е гг. XX века она оформилась как одно из идеологических средств борьбы в рамках холодной войны,

когда модернизационный дискурс выступал в виде стратегии дальнейшего развития, которая была разработана для стран «третьего мира» и в которой западная цивилизация позиционировалась в качестве итогового идеала или образца [8]. В следующее десятилетие модернизационная парадигма подверглась серьезной критике из-за неудач при ее реализации в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки [17, с. 133-143]. В 1980-1990-е гг. теория модернизации вступила в период повышенного внимания к себе, что было связано с существенными трансформациями в ее содержании: западная траектория в современных интерпретациях определяется как один из возможных (а не единственный) вариантов развития [22; 23, р. 100-101; 24, р. 26-27].

Итогом описанных выше явлений стало наличие двух трактовок модернизации:

а) узкая (классическая) – как переход от аграрного (традиционного) общества к индустриальному (современному);

б) широкая – как «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [24, р. 25].

В отечественных гуманитарных и социальных науках повышенный интерес к модернизационному дискурсу отмечается во второй половине 1980-х – 1990-е гг., что объясняется образовавшимся тогда методологическим вакуумом в связи с утратой монополии формационным подходом в поле исторических исследований и поисками новой парадигмы [16]. В рамках прошедших обсуждений теории модернизации и ее применимости к истории России был выработан комплексный подход, предполагающий рассмотрение соответствующих процессов в различных сферах жизнедеятельности общества [19, с. 12].

Опираясь на вышесказанное, необходимо сделать вывод о наличии достаточно широкого круга дискуссионных проблем относительно теории модернизации и ее использования для объяснения определенных процессов истории Российского государства. Этот тезис и определяет **актуальность** представленной работы. **Цель** данной статьи – осуществить анализ влияния военного фактора (на примере Крымской войны) на развитие российской модернизации, в частности на процессы ментального плана, имевшие место в российском обществе второй половины XIX столетия. В этом и будет заключаться методологическая основа исследования, которую в конечном итоге можно будет экстраполировать на остальные сферы жизнедеятельности общества и более широкий период российской истории (XVIII – первая половина XX века). В рамках достижения поставленной цели необходимо решить ряд следующих **задач**: определить особенности российской модернизации; выявить суть понятия «духовная модернизация»; проанализировать процессы ментальных трансформаций, наличествовавшие в истории России указанного периода, а также влияние на них военного фактора и трансформаций в других сферах жизнедеятельности российского социума через призму перехода Российского государства от аграрного общества к индустриальному.

Научная новизна представленного исследования будет заключаться в том, что впервые рассматриваются изменения ментальных установок российского социума под воздействием Крымской войны с учетом основных положений теории модернизации. В итоге будут получены ответы на вопросы о начале модернизационных процессов Российского государства, в частности ментального плана, а также выявлены причины их длительности и проблематичного протекания в России, что в целом может коррелироваться с оценкой эффективности и необходимости модернизационной стратегии Российской Федерации, заявленной в 2000-е гг. В. В. Путиным.

На наш взгляд, для объяснения модернизационных процессов в России XVIII – первой половины XX века следует использовать классическую трактовку теории модернизации, поскольку западная цивилизация в тот момент обладала характерными чертами, присущими индустриальному обществу, которое в указанный период отождествлялось с современностью. Широкое понимание термина «модернизация» должно применяться для исследования модернизационных процессов на более позднем этапе.

В первую очередь, необходимо определиться с особенностями перехода России от аграрного общества к индустриальному, поскольку именно они будут играть ключевую роль в нашем исследовании. Логично это сделать через сравнительный анализ с западным классическим типом модернизации (см. Табл.).

Таблица. Особенности западной и российской модернизаций

Критерии сравнения	Западная модернизация	Российская модернизация
Тип	Классический	Догоняющий
Стартовые условия	Готовность к модернизационным процессам	Слабый потенциал для модернизаторских усилий
Характер	Органичный (синхронный во всех сферах жизнедеятельности общества)	Неорганичный (асинхронный: начало – в экономике, продолжение – в социальной сфере и политике, позже – в духовной сфере)
Актеры проведения	Отсутствуют (естественный путь)	Политическая элита
Механизм развития	Инновационный, внутренний, линейный	Мобилизационный, обусловленный «вызовами» Запада (войнами), волновой
Темпы развития	Сжатые сроки	Медленное, проблематичное протекание
Итог	Классическое индустриальное общество	Незавершенность процесса

В качестве пояснения к данной таблице следует отметить, что войны становились «вызовами» Запада славянской (русской) цивилизации только тогда, когда удовлетворяли таким критериям, как масштабность и отрицательная результативность для Российской империи. Чем шире был охват боевыми действиями

большого количества стран, а также серьезнее поражение российской стороны в военном конфликте, тем в большей степени ускорялись модернизационные процессы в Российском государстве, в противном случае имело место их замедление.

Определим характерные черты духовной модернизации для того, чтобы понять, на какие трансформации российского социума во второй половине XIX века следует обращать внимание в ходе нашего исследования. В первую очередь, необходимо зафиксировать изменение менталитета, основных духовных ценностей, поскольку именно они составляют фундамент типа мышления и поведенческих практик людей. В данном случае за основу берется смена традиционной ментальности инновационной. Краеугольным камнем первой из названных является консерватизм, который будет выражаться в желании сохранить сформировавшиеся устои жизни. В итоге духовной модернизации должны сложиться социальные ориентации, связанные с потребностями изменить привычный уклад жизненного пути. Таким образом, активные трансформации станут не чем-то из ряда вон выходящим, а типичным явлением.

В традиционном обществе базовыми социальными практиками, определяющими ценностные ориентации, являются общинные отношения и патриархальная семья. В совокупности они приводят к такой духовной основе, как коллективизм. Переход от аграрного общества к индустриальному в данном случае приведет к формированию индивидуализма. Теперь человек в большей степени будет заботиться о собственной самореализации, а социальные (общинные или корпоративные) интересы станут вторичными по отношению к целям и смысловым ориентациям отдельной личности. При этом патриархальность как фундамент для выстраивания семейных в частности и социальных в целом отношений уступит место эгалитаризму. Определенное значение здесь будет иметь и формирование либеральной идеологии.

Большую роль в рамках духовной модернизации будет играть секуляризация сознания: рационализация мировоззрения придет на смену религиозности. Это скажется не только на повседневных поведенческих практиках, но и в целом на мировосприятии.

В настоящее время духовная модернизация российского социума, как правило, не становится объектом для специальных исследований. Часто о ней лишь просто упоминают, когда хотят применить или обосновать уже отмеченный выше комплексный подход. Более детально к данной проблеме подошли С. Н. Гавров и Б. Н. Миронов.

В рамках работы первого из них «Модернизация во имя империи» [6] обосновывается волновой механизм российской модернизации, основными компонентами которого являются имперская и либеральная модели, сменяющие друг друга. Именно в ходе второй из них получает существенное развитие социокультурная динамика российского общества. Имперский тип предполагал модернизацию только элиты, что приводило к необходимости сверхусилий русского народа для того, чтобы достичь уровня западной цивилизации. При этом исследователь отмечает адаптационную реакцию российской социокультурной системы в ответ на «вызовы» Запада [Там же, с. 43, 76, 84, 86-87].

Б. Н. Миронов посвятил проблемам духовной модернизации главу «Русская культура в коллективных представлениях» в новой редакции своего фундаментального труда «Российская империя: от традиции к модерну» [14, с. 371-589]. Суть перехода российского социума от аграрного общества к индустриальному в духовном плане петербургский исследователь обозначает как трансформацию его трудовой этики в плане смены принципов «моральной экономики» капитализмом [Там же, с. 536]. Большое значение для данного процесса, по мнению Б. Н. Миронова, имели «увеличение потребностей людей, повышение производительности труда и в особенности рост человеческого капитала за счет развития системы образования» [Там же, с. 542].

О складывании предпосылок для модернизационных процессов в Российском государстве, по нашему мнению, следует говорить не ранее начала XVIII столетия. В предыдущем «бунташном» веке русский социум обладал всеми характеристиками традиционного общества. Преобладающим сектором экономики было сельское хозяйство, а в промышленном производстве основной единицей была ремесленная мастерская. Такие тенденции, как появление мануфактур, начало формирования всероссийского рынка, а также протекционистские и меркантилистские попытки регулирования экономических отношений, говорят лишь только о большей степени готовности экономики к модернизационным преобразованиям по сравнению с остальными подсистемами русского общества. Социальная сфера основывалась на крепостном праве, которое фактически сводило на нет какую-либо направленность к урбанизации и росту социальной мобильности. Абсолютная монархия, активно складывавшаяся в это время, была антиподом предполагаемого итога политической модернизации – формирования гражданского общества и правового государства. Крестьянство, составлявшее на тот момент большинство в составе русского населения, имело в качестве мировоззренческих установок патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм [10; 18, с. 91-102]. Экстраполяция вышеуказанных основ крестьянской ментальности на мировосприятие других слоев русского общества будет в данном случае вполне уместна. Это говорит о том, что в духовном плане русский социум в XVII столетии обладал типичными характеристиками традиционного менталитета.

Складывание первых предпосылок для модернизации российского общества необходимо связывать с Северной войной. Однако какие-либо подвижки в модернизационном направлении можно зафиксировать только в экономическом плане (рост мануфактурной промышленности, активные протекционистские и меркантилистские меры Петра I), а также в духовной сфере дворянского сословия, поскольку оно стало в первой

четверти XVIII века подвергаться активной европеизации. Столь скромные результаты объясняются локальным характером боевых действий между Россией и Швецией, а также их победным результатом для российской стороны. Потому в данном случае мы полностью соглашаемся с мнением Б. Н. Миронова, который оценил данные трансформации как протомодернизацию или предмодернизацию [15, с. 17].

Континентальный масштаб наполеоновских войн, в которых Россия принимала активное участие, во многом повлиял на оформление экономической модернизации, связанной с началом промышленного переворота в 1830-1840-е гг. Однако он существенно замедлялся отсутствием необходимых изменений, в частности в социальной сфере, поскольку крепостное право было камнем преткновения на пути складывания рынка свободной рабочей силы. Это можно объяснить тем, что Российское государство на тот момент еще не встало перед необходимостью широкомасштабных трансформаций из-за того же континентального характера наполеоновских войн и их успешного результата для Российской империи. В целом данный тезис является одним из подтверждений наличия асинхронности процессов российской модернизации.

Духовный переход от аграрного общества к индустриальному в этот момент имел место в основном только у представителей высших слоев российского социума. Коллективизм, который основывался, в первую очередь, на приоритете интересов семьи над индивидуализмом, а также на интегрированности отдельных семейных ячеек в соответствующие корпорации, начинал для горожан и дворянства утрачивать свою актуальность еще в правление Екатерины II. Большую роль в рамках данного процесса сыграли реформы 1775-1785 гг., которые заложили такую тенденцию, как переход от общности к обществу [13, с. 299-300]. Однако следует отметить, что наиболее яркое выражение указанная выше тенденция получила в крупных и части мелких городов, а также в среде столичного дворянства [Там же, с. 266], что не позволяет говорить о духовной модернизации как о всеобъемлющем процессе, присущем всему российскому социуму.

Определенное снижение уровня патриархальности у высших слоев российского населения связано с развитием соответствующих идей в рамках Просвещения и романтизма. Эти идеи приводили к увеличению значимости положения женщин и детей во внутрисемейных отношениях [12, с. 731-732]. Немалую роль в этих процессах сыграли Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг., в ходе которых офицерство, состоявшее в тот момент преимущественно из лиц дворянского происхождения, смогло познакомиться с соответствующими идеями непосредственно в тех странах, которые стали их родоначальницами.

Ментальные трансформации дворянства в первой половине XIX века были связаны и с определенной долей снижения монархизма. Частично это было обусловлено введением или закреплением широкого круга прав и свобод в Жалованной грамоте дворянству 1785 г., что позволило отдельным общественным деятелям и историкам говорить о «непороте поколении». Во многом описанный процесс позволил подготовить появление такого феномена, как «общественное мнение». Данная тенденция в российском обществе стала усиливаться в ходе Отечественной войны 1812 г., которая привела к существенному подъему национального самосознания и патриотизма [11, с. 78], а также Заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. Яркое воплощение это получило в рамках декабристского движения первой четверти XIX столетия, а в меньшей степени – во время деятельности кружков в 1820-1840-е гг. Следует заметить, что снижение монархизма отмечается не только у столичного дворянства, но и в «ценностных ориентирах провинциальной дворянской среды» [21, с. 64].

Тем не менее доля дворян в общей численности русского населения была незначительной, потому говорить о масштабных трансформациях в ментальном плане для всего российского социума в первой половине XIX века не стоит. Главной причиной, на наш взгляд, было отсутствие модернизационных преобразований в социальной сфере, а конкретно – необходимость отмены крепостного права, которое существенно влияло на устойчивость социальных установок и поведенческих практик, в первую очередь, у крестьянства. Это в очередной раз подтверждает тезис об асинхронности модернизационных процессов в Российской империи, что обусловило проблематичный и медленный характер их протекания, а в конечном итоге и незавершенность перехода России от аграрного общества к индустриальному.

С учетом того, что Крымскую войну иногда еще называют русско-турецкой войной 1853-1856 гг., на первый взгляд может показаться, что она носила локальный характер. Однако при более пристальном рассмотрении следует отметить, что противником Российской империи была не только Турция, но также еще Великобритания и Франция. Результаты последних в плане реализации перехода от аграрного общества к индустриальному к тому моменту были уже налицо. В итоге можно сделать вывод о континентальном масштабе этого военно-политического конфликта. Как известно, Крымская война привела в России к очень серьезным последствиям именно в силу позорного поражения Российской империи по итогам боевых действий. Социальная модернизация, так долго находившаяся в зародыше, получила наконец зримые очертания. Начало данной тенденции положила отмена крепостного права, которая стала фундаментом для дальнейшей цепной реакции, проявившейся через земскую и городскую реформы, а также реформу среднего и начального образования.

Условия крестьянской реформы 1861 г. были таковы, что процесс урбанизации не сразу смог набрать необходимые темпы. Первые девять лет, которые крестьяне должны были проводить во временнообязанном состоянии, во многом заморозили наметившуюся тенденцию. Тем не менее в пореформенный период, вплоть до начала Первой мировой войны, доля горожан в социальном составе российского населения возросла на 6,3% [12, с. 841].

Другим важным проявлением социальной модернизации стал рост грамотности в Российской империи. Ранее соответствующий уровень образования наблюдался преимущественно среди дворянства и духовенства.

Упомянутая выше реформа начального и среднего образования привела к тому, что доля грамотных мужчин старше девяти лет к 1913 г. достигла 54%, а женщин – 26% [Там же, с. 751].

Но более важным явлением стали четко оформившиеся признаки демографического перехода [Там же, с. 624-625]. Однако, по мнению Б. Н. Миронова, основополагающие характеристики традиционного общества преобладали в русской семье вплоть до конца XIX века [Там же, с. 752-761]. Именно указанные проявления социальной модернизации во многом стали фундаментом для начала духовного транзита российского социума от традиции к модерну.

Одной из четко оформившихся тенденций в развитии, в первую очередь, крестьянства стало разложение патриархальной семьи. Со становлением данной тенденции в череде жизненных реалий российского общества во второй половине XIX – начале XX века согласно большинство исследователей. Ее проявления в своей основе также у них совпадают. Среди наиболее важных причин падения уровня патриархальности в семейных отношениях русского народа, в первую очередь, выделяется бурное развитие экономики в Российской империи, которое в конечном итоге привело к завершению промышленного переворота в 1880-е гг.

Новые экономические реалии обусловили социальные подвижки, которые влекли за собой и изменение ментальных конструкций у различных слоев российского социума. Крестьянство, составившее на тот момент подавляющее большинство русского народа, тяготело к расширенной и составной семье [7, с. 44]. При этом предполагаемым итогом модернизации в данном аспекте являлась нуклеарная семья, поскольку именно в последней преодолевался принцип «человек для семьи» и создавались более благоприятные условия для самореализации каждого из ее членов. Следует отметить, что среди исследователей нет полного единства о соотношении различных типов семьи в Российской империи второй половины XIX – начала XX века [Там же, с. 45-50]. Однако аргументы в пользу того, что «малая» и «большая» семьи находились в своеобразном симбиозе, высказанные авторами книги «Демографическая модернизация России, 1900-2000», нам кажутся вполне убедительными [Там же, с. 47-49].

В этом же монографическом исследовании доказывается, что преобладание «большой семьи» в российской действительности к середине XIX столетия обуславливалось экономической необходимостью, поскольку гарантировало определенный достаток и возможность выплаты испощины [Там же, с. 48-49]. С экономической же детерминантой преобладания составной семьи согласны и В. Б. Безгин с П. В. Ериным [3, с. 501]. При этом Б. Н. Миронов отстаивает тезис о прямой пропорциональности величины семьи и власти большака [12, с. 693-694], что говорит в пользу высокой степени патриархальности в семейных отношениях, а следовательно, и в системе мировоззренческих ориентаций российского крестьянства.

Переход к нуклеарной семье авторами «Демографической модернизации» обуславливается дальнейшим развитием экономической модернизации, которая получила существенный толчок в связи с отменой крепостного права, заложившей основы формирования рынка свободной рабочей силы. В результате крестьянство втягивалось в товарно-денежные отношения, которые нивелировали господство натурального хозяйства, поэтому в наличии «большой семьи» теперь уже не было такой острой необходимости [7, с. 49-50].

При этом Б. Н. Миронов, В. Б. Безгин и П. В. Ерин отмечают в данном плане и большую роль отходничества, которое все больше набирало обороты к началу XX века. Оно приводило к укреплению крестьянского бюджета, причем в денежной, а не натуральной форме, создавало основу для диверсификации доходов крестьян, что было дополнительным фактором экономической устойчивости, а потому «большая семья» уже была не так нужна. При этом безраздельное господство большака уходило в прошлое: с одной стороны, сыновья приобретали финансовую независимость, а с другой – женщина, нередко несущая все бремя управления хозяйством, пока муж находится на заработках, уже неохотно уступала занятые позиции. Надо сказать, что отходники испытывали на себе влияние городского образа жизни, который все более тяготел к нуклеарной эгалитарной семье [3, с. 502-503; 12, с. 698-704].

В. Б. Безгин и П. В. Ерин отмечают и другие причины семейных разделов, не связанные напрямую с экономическими факторами:

1. Сложившийся характер землепользования предполагал регулярные переделы земли, чем пользовались крестьяне для создания обособленного хозяйства.
2. Рост правосознания крестьян приводил к их более частым обращениям с целью семейных разделов в волостной суд, который иногда удовлетворял их иски.
3. Всеобщая воинская повинность меняла ментальность вчерашних сельчан, которая входила в противоречие с традиционными крестьянскими ценностями, основанными на патриархальной большой семье.
4. Немалую роль играли и внутрисемейные неурядицы [3, с. 502-504].

Высказывая определенное единодушие в анализе процессов, подрывавших основы большой патриархальной семьи, указанные выше исследователи в общем плане сходятся и по вопросу о времени начала данных процессов. Учитывая то, что авторы, работы которых подвергаются анализу, не ставили конкретной цели определить временной интервал начала духовной модернизации в России, можно в этих исследованиях найти лишь только косвенные указания, относящиеся к этому аспекту. Потому для точности мы предпочтем привести прямые цитаты из их публикаций, на основе которых сделаем вывод, имеющий принципиальное значение для нашего исследования. В частности, авторы «Демографической модернизации» отмечают, что трансформации в русской семье второй половины XIX столетия привели к такому последствию: «Тогда и начал трещать по швам привычный семейный уклад» [7, с. 50], что позволяет сделать вывод о временном интервале на рубеже XIX-XX веков.

Б. Н. Миронов говорит о более сложной картине российской действительности, подчеркивая разницу между промышленными и земельными губерниями, крестьянскими, городскими и дворянскими семьями; фиксируя взаимозависимость патриархальности семейных и авторитарности политических отношений; характеризуя особенности различных регионов Российской империи; доказывая тезис о том, что не только городские стандарты в рамках отходничества влияли на жизнь крестьян, но сельские быт и ментальность входили в повседневную практику горожан. При этом он четко формулирует: «Малая семья как преобладающая форма семейной жизни пришла в город раньше – уже к концу XIX в.» [12, с. 759]. Однако в отношении крестьян его вывод более осторожный: «Итак, в пореформенный период во внутрисемейных отношениях крестьянства происходили важные перемены, которые к 1917 г., хотя и не подорвали авторитарно-патриархальной сущности этих отношений, вызвали их эрозию, подняли статус женщин и детей и смягчили жесткость семейных нравов и практик» [Там же, с. 708].

Б. М. Бим-Бад и С. Н. Гавров также склоняются больше к рубежу XIX-XX веков, заявляя, «что в 90-е годы XIX века российская деревня вступила в полосу острой экономической и социальной нестабильности» [4, с. 120].

И наконец, В. Б. Безгин и П. В. Ерин, обозначая указанные выше тенденции преимущественно для крестьян черноземных губерний, высказываются по этому вопросу следующим образом: «Вполне закономерно, что первой “жертвой” модернизации в русской деревне стала патриархальная семья. Кризис патриархальной семьи, начавшийся в 1880-е гг., обостряли такие факторы, как образованность, степень занятости, состояние здоровья, употребление алкоголя. К концу 1920-х гг. традиция крестьянского общежития в форме патриархальной семьи была утрачена» [3, с. 505].

Таким образом, с учетом инерционности сознания, при которой ментальные установки, присущие большинству населения, эволюционируют крайне медленными темпами, о начале замены парадигмы патернализма на эгалитаристские практики у российского социума в плане семейных отношений, другими словами, о старте разложения патриархальности как одной из главных мировоззренческих основ следует говорить не ранее первого десятилетия XX столетия.

Коллективизм, основывающийся на принципе «человек для семьи», а также большой роли корпораций в жизни отдельных семей, претерпевал примерно те же трансформации, что и патриархальность. О переходе к нуклеарной семье (имеются в виду масштабы и глубина этого процесса) уже было сказано ранее, потому сосредоточим свое внимание на общине как главной форме корпоративного уклада в социальных практиках российского общества.

Б. Н. Миронов зафиксировал главное значение реформы 1861 г. для крестьянского мира следующим образом: «Они (реформы 1860-х гг. – К. С.) превратили некогда неформальную самодеятельную организацию из института обычного права в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, дали ей статус крестьянской сословной корпорации с правом юридического лица, регламентировали ее деятельность юридически и поставили под контроль администрации» [13, с. 203]. Однако в исследуемом аспекте указанная трансформация не имела определяющего значения, хотя свое влияние на смену коллективизма индивидуализмом оказывала. Немаловажную роль в данных процессах играло желание властей сохранить общинный уклад жизни у крестьян вплоть до проведения аграрных реформ П. А. Столыпина.

Из основных тенденций, наметившихся в пореформенный период и направленных на снижение уровня коллективизма в ментальных конструкциях российского крестьянства, можно выделить следующие: ослабление общинной помощи и ее переход от безвозмездной формы к отношениям найма [3, с. 499-500; 13, с. 220-221]; сохранение приоритета общинных интересов над интересами отдельных семей и личности [3, с. 501; 13, с. 221, 225]; принцип единогласия при решении различных вопросов постепенно вытеснялся принципом простого или квалифицированного большинства, так как достигнуть полного консенсуса становилось все сложнее и сложнее [1, с. 52; 13, с. 206, 221-222]; постепенное исчезновение круговой поруки при осуществлении платежей [13, с. 222]; при увеличении семейных разделов происходил рост влияния молодых крестьян на принятие решений, а они были не редко выразителями новых тенденций [3, с. 502-503; 13, с. 223]; сохранение традиции уравнительного распределения земли, основанной на самом характере общинного землепользования [3, с. 502; 13, с. 211-214].

Несмотря на большое количество перечисленных изменений при характеристике общинного коллективизма, необходимо сделать вывод о том, что он играл по-прежнему большую роль в жизни российского крестьянства. И Б. Н. Миронов, и В. Б. Безгин с В. П. Ериным постоянно говорят об этих трансформациях лишь только как о подвижках или предпосылках. В частности, петербургский исследователь делает следующий вывод: «Указанные изменения затронули всех крестьян, но в разной степени. В отдаленных глухих местах жизнь в общине изменилась мало» [13, с. 226]. А тамбовские историки резюмируют свою работу следующим положением: «Кризисные явления, возникшие в общине под влиянием процесса модернизации, выступали лишь зримым проявлением ее адаптации при сохранении традиционных устоев» [3, с. 505]. Таким образом, начало смены коллективизма индивидуализмом в менталитете российского социума следует отнести к первому десятилетию прошлого века. Исчезновение коллективистских начал в силу серьезных трансформаций соответствующих корпоративных институтов в жизни русского дворянства во второй половине XVIII столетия [13, с. 294], а горожан – на рубеже XIX-XX веков [Там же, с. 279-281] существенно дополняет пеструю палитру разноукладности российского общества, но решающей роли в плане оценки процессов его духовной модернизации не играет.

Аналогично следует оценить эволюцию таких духовных ценностей российского социума, как религиозность и монархизм. Б. Н. Миронов, основываясь на анализе статистики пропусков исповеди и причастия, а также выполнения установленных ограничений во время постов, делает заключение о том, что секуляризация российского общества во второй половине XIX столетия если и шла, то крайне медленными темпами. Его итоговым положением стал следующий вывод: «Итак, подавляющее большинство православных посещали церковь, соблюдали обряды и миллионы отказывались от скоромной пищи и интимных отношений во время постов. Эти факты говорят о том, что степень религиозности и в начале XX в. была высока и церковь оказывала огромное влияние на поведение людей» [14, с. 410]. К таким же результатам в ходе своих многолетних исследований сельской повседневности приходит и В. Б. Безгин. Тамбовский историк говорит о том, что на рубеже XIX-XX веков ментальность российских крестьян соответствовала идеалам православной религии [1, с. 54].

Степень монархизма во многом коррелировалась с соответствующим уровнем религиозности и патриархальности, в первую очередь, в крестьянской среде. К концу XIX столетия правитель России по-прежнему воспринимался как «царь-батюшка», как защитник русской земли, который соединяет религиозное начало с историческим строительством. При этом весь семейный уклад, основанный на власти большака, заставлял, в первую очередь, крестьян экстраполировать принцип патернализма и на систему местного управления, и на государственную власть во главе с императором. Данное положение подтверждается тем фактом, что убийство Александра II вызвало сильнейшее потрясение в среде русских крестьян. Более того, император вплоть до Первой мировой войны в мировосприятии сельского населения подчеркнуто отделялся от своего окружения, которое как раз и отождествлялось с инициатором многих сложностей и проблем, бытовавших в крестьянской жизни. И только накал Первой русской революции серьезно поколебал позиции этой ментальной установки в сознании большинства российского социума [2, с. 29-33].

Таким образом, Крымская война, наряду с Северной, наполеоновскими, русско-японской и Первой мировой, стала катализатором для осуществления модернизационных преобразований в Российском государстве. Тот факт, что русский социум в XVII веке находился на низком уровне готовности к модернизационным процессам, привел к их асинхронному, а следовательно, длительному и проблематичному протеканию. В силу этой асинхронности наличие трансформаций или их отсутствие в одной сфере существенно влияло на темпы перехода российского социума от аграрного общества к индустриальному – в другой. Например, ментальные установки русского крестьянства во многом консервировались наличествующими социальными практиками, а конкретно – крепостным правом. И лишь только после его отмены стала формироваться почва для духовного перехода русских крестьян от аграрного общества к индустриальному.

Немаловажную роль в анализируемых процессах играли масштабность и результативность указанных выше военно-политических конфликтов, в которых участвовала Российская империя. В частности, Крымская война, имея континентальный характер и отрицательный итог для Российского государства, смогла лишь только начать процессы социальной модернизации и ускорить тем самым экономический транзит российского общества от традиции к модерну. Однако ее итоги не смогли запустить духовный переход российского социума от аграрной стадии развития к индустриальной. Безусловно, ментальные ценности русского народа стали подвергаться в пореформенный период изменениям, особенно среди дворянства и горожан, однако их масштабность и глубина еще не достигли того уровня, при котором следует говорить о начале полноценной духовной модернизации.

Список источников

1. **Безгин В. Б.** Сельская повседневность рубежа XIX-XX веков // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 1. С. 51-55.
2. **Безгин В. Б.** «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX в.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов. СПб.: Нестор, 2004. Вып. 2. С. 29-34.
3. **Безгин В. Б., Ерин П. В.** Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2012. Т. 18. № 2. С. 498-507.
4. **Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н.** Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: монография. М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352 с.
5. **Буховец О. Г.** «Государство-партия» в современной России // Российская многопартийность и российские кризисы XX-XXI вв.: сборник научных статей и материалов круглых столов / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. С. 34-51.
6. **Гавров С. Н.** Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
7. **Демографическая модернизация России, 1900-2000** / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
8. **Калхун К.** Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> (дата обращения: 04.09.2019).
9. **Капустин Б. Г.** Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 4. С. 6-26.
10. **Кожевникова Л. М.** Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85-90.
11. **Корнилов А. А.** Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

12. **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Изд-е 2-е, испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.
13. **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Изд-е 2-е, испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.
14. **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Изд-е 2-е, испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.
15. **Миронов Б. Н.** Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 16-24.
16. **Модернизация России и Европа** [Электронный ресурс]: стенограмма круглого стола. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 04.09.2019).
17. **Побережников И. В.** Теории модернизации // Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 133-152.
18. **Поршнева О. С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург: УРО РАН, 2000. 416 с.
19. **Российская модернизация: проблемы и перспективы:** материалы круглого стола // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-39.
20. **Федотова В. Г.** Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 333 с.
21. **Чернышов А. П.** Механизмы формирования верноподданнических настроений и сословных ценностей в дворянской среде в первой половине XIX века (по материалам Пензенской и Нижегородской губерний) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 5. С. 62-65.
22. **Eisenstadt S. N.** Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1-29.
23. **Huntington S. P.** The clash of civilizations? // *Culture and Politics: A Reader* / ed. by L. Crovers, Ch. Lockhart. N. Y.: St. Martin's Press, 2016. P. 99-118.
24. **Sztompka P.** Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / ed. by A. Martinelli, Ch. He. Singapore, 2015. P. 25-31.

The Crimean War as a Factor to Change Mental Attitudes in the Russian Society in the Second Half of the XIX Century: Modernization or Proto-Modernization (Methodological Analysis)

Samokhin Konstantin Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
kon-sam@yandex.ru

The article analyses mental transformations that occurred in the Russian society in the second half of the XIX century under the influence of the Crimean War, taking into account the basic provisions of modernization theory. Relating to this period of the Russian history, modernization is considered as transition from the agrarian society to the industrial one. Special attention is paid to changing such value orientations as patriarchal nature, collectivism, religiosity and monarchism. The conclusion is made that due to unreadiness of the Russian society for modernization and asynchrony of modernization processes in different spheres of social life, spiritual changes that occurred in the Russian Empire at the beginning of the XX century should be considered as merely proto-modernization.

Key words and phrases: Crimean War; mental transformations; Russian society; proto-modernization; modernization; methodology.